

ПОЛИТИКА НЕПРЯМОГО ПРИМЕНЕНИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ США КАК ИНСТРУМЕНТ ПОСТРОЕНИЯ «PAX AMERICANA» НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Романов Александр Вячеславович

Аспирант, Иркутский государственный университет
irkutskruo_romanov@mail.ru

POLICY OF INDIRECT USE OF THE US ARMED FORCES AS A TOOL FOR BUILDING PAX AMERICANA AT THE EARLY STAGE OF THE COLD WAR

A. Romanov

Summary: This article examines the role of the US armed forces in the implementation of Washington's foreign policy at the initial stage of the Cold War. The author has identified and analyzed the main forms of "indirect" use of the United States armed forces and their role in Washington's foreign policy activities. The author pays special attention to the bloc and "basic" policies of the United States, military-technical cooperation between Washington and recipient countries, which are considered as tools for spreading and consolidating US influence in the international arena. The author considers such forms of "indirect" use of armed forces as involving the opponent in local wars and arms races. The article assesses the role and place of "indirect" forms of use of the US armed forces and military-industrial complex within the framework of Washington's strategy to build a "Pax Americana".

Keywords: USA, indirect actions, armed forces.

Аннотация: В данной статье рассмотрена роль вооруженных сил США в реализации внешнеполитического курса Вашингтона на начальном этапе холодной войны. Автором выявлены и проанализированы основные формы «непрямого» применения вооруженных сил Соединенных Штатов и их роль во внешнеполитической деятельности Вашингтона. Особое внимание автор уделяет блоковой и «базовой» политике США, военно-техническому сотрудничеству Вашингтона и стран-реципиентов, которые рассматриваются в качестве инструментов распространения и закрепления влияния США на международной арене. Автором рассмотрены такие формы «непрямого» применения вооруженных сил как вовлечение оппонента в локальные войны и гонку вооружений. В статье дана оценка роли и места «непрямых» форм применения вооруженных сил и военно-промышленного комплекса США в рамках стратегии Вашингтона по построению «Pax Americana».

Ключевые слова: США, непрямые действия, вооруженные силы.

Военная сила – традиционный инструмент разрешения межгосударственных противоречий на международной арене. Рост взаимозависимости стран и народов, взаимообусловленности внутренних процессов в рамках данных стран, все возрастающий масштаб и интенсивность конфликтов, появление оружия массового поражения потребовали пересмотра подходов к военному строительству, пересмотру структуры и роли вооруженных сил в конфликтах. Встал вопрос о разработке новых методов борьбы, увеличения роли невоенных средств, которые обрели значительный потенциал.

В этих исторических обстоятельствах на мировую арену выходит концепция не прямых действий. Сам термин «непрямые действия» был сформулирован британским военным теоретиком Бэзилем Лидделом Гардтом в 1930-е гг. и обозначал совокупность мероприятий, направленных на сокрушение инфраструктуры вооруженных сил противника с целью их дезорганизации и развала. В более широком смысле не прямые действия следует понимать как мероприятия, осуществляемые во всех сферах жизнедеятельности государственно-геопо-

литического организма, носящие как скрытый, так и открытый характер, направленные на сокрушение противника путем усиления стратегического положения субъекта, нарушения и дезорганизации внутренней структуры конкурирующих держав и системы их связей с внешним миром, их положения на международной арене, осуществляемые без прямого противоборства с последними.

Под вооруженными силами в рамках данной статьи подразумевается военная подсистема государственно-геополитического организма, включающая в себя три основные составные части: непосредственно воинские подразделения всех видов и родов войск, систему управления, связи и обеспечения их деятельности и военно-промышленный комплекс.

Как и любой другой инструмент, вооруженные силы используются в рамках общей концепции внешней и внутренней политики для достижения конкретных целей. Цели США на начальном этапе холодной войны были обозначены в директивах СНБ США № 20/1 и № 68:

1. Формирование международного порядка во главе с США, который бы наиболее отвечал национальным интересам Вашингтона;

2. Разгром СССР или его ослабление до такого состояния, которое бы не позволяло Москве действовать вопреки интересам США.

Первой формой непрямого воздействия с помощью вооруженных сил является вовлечение отдельных стран и целых регионов в военно-политические блоки. Первым таким объединением стал Межамериканский договор о взаимной помощи, подписанный делегациями большинства стран Западного полушария в Рио-де-Жанейро в 1947 г. и известный как «Пакт Рио» [1, с. 28]. Важной составной частью договора был комплекс мер по «стандартизации» вооруженных сил стран – участниц, включавший в себя переход армий латиноамериканских государств на американское вооружение, тактику и методы подготовки личного состава [2, с. 80–82].

На Европейском континенте Соединенные Штаты активно содействовали европейским инициативам по созданию системы коллективной безопасности. Итогом серии переговоров стало подписание в Вашингтоне 4 апреля 1949 г. Североатлантического договора с участием 12 стран. В 1951 г. к блоку присоединились Греция и Турция, а в 1955 г. – ФРГ.

Принцип взаимности, заложенный в основу НАТО, позволил США добиться формирования единой системы военного планирования, снабжения и оснащения вооруженных сил стран-членов. США добились согласия европейских стран на размещение на своей территории на постоянной основе своих военных баз.

На рубеже 1940-х - 1950-х гг. Ближний Восток становился все более значимым регионом для США. Уже во время Второй Мировой войны американский капитал начал активно теснить британский в сфере нефтедобычи. К 1946 г. уже 46% нефти в регионе добывалось американскими монополиями, и их доля постоянно росла практически во всех странах региона. А в конце 1940-х за счет восстановления европейской экономики в соответствии с «планом Маршалла» значительно выросло и потребление ближневосточной нефти, что еще более увеличило прибыли американских монополий и значимость региона для планов Вашингтона.

В мае 1953 г. Дж. Ф. Даллес выдвинул концепцию формирования блока из стран «северного яруса» – Турции, Ирана, Ирака и Пакистана. [3, с. 84–86]. Американская стратегия в регионе была конкретизирована в серии директив СНБ США за номерами 155, 155/1 и 162. Согласно тексту этих документов Вашингтон стремился сформировать военный блок в составе указанных государств с возможностью вовлечения в его деятельность США и

европейских стран. Ключевую ставку Вашингтон делал на размещение американских баз в странах региона. [4, с. 254–258].

В 1954 г. при содействии Вашингтона был заключен договор о взаимопомощи между Турцией и Пакистаном, В 1955 г. к «Багдадскому пакту» присоединились Ирак, Великобритания, Пакистан и Иран. США формально остались в стороне, но обеспечили свое участие в работе организационных структур блока.

Юго-восточная Азия подарила миру пример, пожалуй, наименее успешной реализации блоковой политики Вашингтона. Успехи китайских коммунистов в гражданской войне, образование КНР усилили национально – освободительные движения по всей юго-восточной Азии. Особенно сильным оказалось сопротивление европейским колонизаторам во Вьетнаме. Успехи Ханоя побудили США к более активному вмешательству в дела региона. Женевские соглашения дали непродолжительную передышку, которую Вашингтон и использовал для спешного сколачивания регионального военного блока.

В сентябре 1954 г. были подписаны документы об образовании Организации договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО), известной как «Манильский пакт». В состав организации вошли США, Великобритания, Франция, Пакистан, Филиппины, Таиланд.

Политическая база для создания этого военно-политического блока была еще более зыбкой, чем в случае с «Багдадским пактом». Идея создания «Манильского пакта» не встретила одобрения ни со стороны государств региона, ни со стороны союзников США по НАТО. Даже Пентагон возражал против излишнего вовлечения в дела региона [4, с. 251–253].

Согласно доктрине «сдерживания коммунизма» США должны противодействовать распространению влияния коммунистических идей, движений и государств везде, где это происходит. Такая политика вовлекала Вашингтон во множество региональных конфликтов, не имевших непосредственного значения для национальной безопасности США, за что справедливо критиковалась даже американскими государственными деятелями [5, с. 456–458].

Второй формой непрямого применения вооруженных сил является развертывание программ военно-технического сотрудничества и военной помощи. Вашингтон начал формировать собственную систему военно-технической помощи во второй половине 1940-х годов при администрации Трумена. Первыми реципиентами американской военной помощи стали Греция и Турция, получившие от Вашингтона 400 млн долларов». В декабре 1948 г. был создан руководящий орган – Комитет по руководству организации помощи иностранным

государствам. При нем так же был создан Комитет по взаимосвязи и организации помощи иностранным государствам. [1, с. 56–57].

В 1949 г. в США был принят закон «О взаимной помощи в целях обороны». В 1951 г. его сменил закон «О взаимном обеспечении безопасности». Согласно данным нормативным документам, определялись цели оказания военной помощи: обеспечение национальной безопасности и реализации внешнеполитического курса США за счет наращивания военного потенциала союзных Вашингтону держав. В 1951 г. в структуре Администрации Президента США появилось новое подразделение – Агентство коллективной безопасности, отвечавшее за управление, координацию и контроль исполнения всех программ помощи. География американской военной помощи быстро приобрела глобальный характер. Так в 1952 г. страны НАТО получили от США 5 млрд. 28 млн. долларов и еще до 1 млрд. 22 млн. на развитие европейского военно-промышленного комплекса. 25 млн. долларов получила Испания. Греция, Турция и Иран получили 396 млн., страны Юго-Восточной Азии получили 237,5 млн., и отдельно Южная Корея – 45 млн. Страны Латинской Америки получили 38,15 млн. долларов. [6, с. 366].

При администрации Эйзенхауэра была проведена работа по систематизации складывающейся системы военной помощи. Новый Закон о коллективной безопасности, принятый в 1954 г., объединил 14 различных нормативных актов и ввел практику предоставления странам-реципиентам кредитов на закупку американских вооружений [7, с. 208–210]. Военная помощь оказывалась Соединенными Штатами в формате: безвозмездной поставки избытков военной техники и снаряжения; финансирования закупок американского вооружения; организации международных программ военного образования и подготовки.

Важной предпосылкой успешности программ военной помощи США являлась централизация и стандартизация снабжения вооруженных сил США и их союзников под американские стандарты. Пункты, касающиеся стандартизации вооружений были включены Соединенными Штатами в итоговые документы по формированию военных блоков с участием Вашингтона: «Пакта Рио», «Багдадского пакта», «Манильского пакта» и, конечно же, НАТО. [1, с. 43–45] Запреты на закупки боеприпасов, вооружения и запчастей у неамериканских поставщиков без согласия Вашингтона, обучение личного состава в учебных центрах иных армий, кроме армии США были включены во многие соглашения о военной помощи. Это ставило вооруженные силы и ВПК стран-реципиентов в зависимое положение от США, превращая их военный потенциал во «внешнее» продолжение военного потенциала Соединенных Штатов, что прямо было отражено в директиве СНБ № 68: «В поляризованном мире страте-

гии развития процветающего международного сообщества необходимы в первую очередь для укрепления наших собственных позиций... Стержнем данной политики был и остается курс на обеспечение превосходства в мощи нашей страны в отдельности либо находящейся в зависимости от нас группы государств-единомышленников» [6, с. 340–342]. Аналогичные оценки приводились и советскими должностными лицами (в отношении армии Китая), например послом СССР в США Н.В. Новиковым в его телеграмме в Москву [8, с. 514].

Обеспечение собственного военного присутствия в ключевых с военной, экономической и политической точки зрения регионов планеты с помощью разветвленной сети военных баз – третья форма непрямого воздействия вооруженными силами. Планирование глобального стратегического развертывания США началось еще в 1943 г. Объединенный комитет начальников штабов (КНШ) США на основе анализа уже накопленного опыта Второй мировой войны пришел к выводу, что для обеспечения обороны страны необходимо возвести защитное кольцо баз по периметру Западного полушария. По мере приближения к окончанию Второй мировой войны размах планов КНШ возрастал.

Значение глобальной системы военного базирования с точки зрения военных планировщиков из КНШ имело два аспекта: обеспечение максимальной глубины обороны на подступах к континентальной территории США и возможность концентрации войск и авиации для проецирования силы в любой точке Евразийского материка [1, с. 17–18].

«Ядерный блицкриг» - именно так можно охарактеризовать господствовавший в военном планировании США в 1945–1955 гг. подход. Однако в этом направлении Вашингтон сталкивался с рядом проблем.

Ограниченная дальность бомбардировочной авиации, диктовала необходимость «передового развертывания» сил и средств, т. е. размещения баз в максимальной близости к границам основного противника – СССР. Это делало проблематичным оборону военных объектов, а в условиях развития советского контрнаступления система передовых баз становилась и вовсе «одноразовой».

Несмотря на достаточно быстрый рост числа ядерных зарядов и средств доставки, их количество оставалось недостаточным для нанесения неприемлемого ущерба СССР, особенно с учетом развития советских ПВО и авиации. Наиболее сложным вопросом являлись средства доставки. Так, бомбардировщиков Б-29, оборудованных под применение ядерных зарядов, к 1946 г. насчитывалась только 27 единиц, Б-50 и Б-36, поступавших в войска с 1948–1949 г. было и того меньше: на начало 1949 г. 38 и 17 бортов соответственно [9, с. 73–75].

Эти обстоятельства позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, «базовая стратегия» США способствовала эскалации напряженности между Вашингтоном и Москвой, но нанести серьезный ущерб Советскому союзу в исследуемый период не могла. Во-вторых, процесс развертывания военных баз США шел в тесной увязке с реализацией «блоковой политики», программ военной мощи и был ее более «точечной» версией.

В качестве непрямого формы применения военной силы можно рассматривать вовлечение противника в локальные войны и конфликты. На начальном этапе холодной войны целый ряд кризисов имел потенциал перерастания в открытое вооруженное противостояние, однако ни в одном из них Советские вооруженные силы не приняли активного участия. Соединенные Штаты напротив, резко нарастили применение военной силы. Отдельного упоминания стоит вовлечение Американской армии в китайскую гражданскую войну. Так, в 1945–1947 гг. более 100 тыс. американских солдат находились в Китае и обеспечивали поддержку армии Чан Кайши. [10, с. 32–34]. Войска США были активно задействованы в подавлении народных движений в Греции, на Филиппинах, в странах Латинской Америки.

Участие ВС США в Корейской войне может быть рассмотрено в качестве доказательства от обратного: негативного воздействия прямого применения вооруженных сил в конфликте на международную обстановку и позиции США. Боевые действия стоили Вашингтону 54 тыс. погибших и 103 тыс. ранеными, сопровождалось резким ростом военных расходов (с 12,9 млрд. в 1949 г. до 50,4 млрд. в 1953 г.), подорвали авторитет Вашингтона в мире и вызвали всплеск антивоенных настроений в самих США.

При этом Вашингтон смог достаточно грамотно воспользоваться результатами проигранной войны. Ожесточенный конфликт, никак не угрожавший безопасности непосредственно Соединенных Штатов, привел к новому витку гонки вооружений и способствовал росту объемов экономической и военной помощи. Именно эти факторы в значительной степени обеспечили экономический рост мировой капиталистической системы с центром в США на протяжении 1950-х – 1960-х гг. На этот счет госсекретарь Ачесон выразился более чем однозначно: «Случилась Корея и спасла нас» [11, с. 376–377].

Можно констатировать, что на начальном этапе холодной войны военная сила была одним из основных средств внешней политики Соединенных Штатов. Политика непрямого применения вооруженных сил США, реализуемая в глобальном масштабе, позволяла Вашингтону воздействовать на все основные аспекты жизнедеятельности США и других стран: экономическое развитие, военное строительство, систему международных отношений.

Построение системы военных блоков, которая по задумке американских стратегов должна была в перспективе охватить весь мир, служила инструментом «фиксации» международной обстановки, закрепления роли Соединенных Штатов в качестве мирового гегемона. ВПК и вооруженные силы союзников США перестраивались под американские стандарты, перевооружались американским вооружением, обеспечивая заказами ВПК США, тем самым превращаясь в придатки силового потенциала Вашингтона.

В регионах, представлявших интерес для Вашингтона, но не имевших политических и экономических предпосылок для формирования дееспособных региональных блоков США стремились обеспечить свое присутствие с помощью разветвленной сети баз и программ военной помощи.

Все вышеперечисленное образовывало три основных контура «Американского мира»: первый – его ядро, сами Соединенные Штаты, выступавшие основным экономическим субъектом и бенефициаром формируемой системы международных отношений. Второй контур – страны западной Европы, образовывавшие НАТО и Европейское сообщество, а также Япония. Это наиболее промышленно-развитые регионы, выступавшие в качестве «внешнего продолжения» американского потенциала. Они обеспечивали ёмкий рынок сбыта американской продукции, дополняли военный потенциал США. Эти страны могли реализовывать собственные национальные интересы в рамках создаваемой Вашингтоном системы, усиливая ее.

Наконец третий контур – страны Латинской Америки и Ближнего Востока, наиболее освоенной американским капиталом частью Третьего мира и наиболее важным источником энергоресурсов для поддержания функционирования всей системы соответственно.

Важной особенностью непрямого применения вооруженных сил является процесс «конверсии» успехов и достижений в военной сфере на другие аспекты жизнедеятельности государства (на экономическую, политическую, информационную, социальную подсистемы), его положение на международной арене, возможность навязывать иностранным государствам свою волю без ведения боевых действий.

Другим аспектом непрямого применения вооруженных сил в данных исторических обстоятельствах стала гонка вооружений. Имея экономическое превосходство, ядерную монополию, мощнейший ВМФ и сеть передовых баз, США навязали СССР необходимость реализации масштабных и крайне дорогостоящих оборонных программ. Один только ядерный проект обошелся советской экономике в 14,5 млрд. рублей, и по мнению некоторых исследователей эта сумма превысила затра-

ты США на «Манхэттенский проект» не только в относительных (к размеру ВВП) но и в абсолютных значениях [9. с. 68].

Гонка вооружений вынуждала разоренный войной СССР не только не сокращать, но и наращивать расходы на оборону по отношению к остальным отраслям народного хозяйства [12, с. 15]. Она вела к деформации советской экономики в пользу оборонного сектора. Если США за счет доминирующего положения в мировой экономике, неограниченного доступа к мировому океану могли использовать свои ВС для обеспечения экономических интересов по всему миру, то аналогичные возможности СССР были ограничены разоренной войной Восточной Европой.

Другой важной стороной комплексного непрямого

применения Соединенными Штатами своих вооруженных сил стал процесс милитаризации общества и государства как в США, так и в СССР. Милитаризация – это процесс внедрения военного фактора в повседневную жизнедеятельность общества. Он подразумевает подготовку экономики, общества, политической сферы к ведению боевых действий уже в мирное время. Если для СССР это было развитие довоенного опыта, то США столкнулись с необходимостью перестройки всей деятельности государственного аппарата. Последствиями данного процесса стало формирование военно-промышленного комплекса и его мощного лобби, разветвленной сети спецслужб, расширение роли федерального правительства, развертывание кампаний по зачистке внутривнутриполитического пространства от оппозиции в форме такого явления как Маккартизм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков М.Н., Лекаренко О.Г. Американская крепость Европа: Политика США по укреплению оборонного потенциала стран Западной Европы (1947-1955 гг.). Томск: Изд-во Томского университета, 2009. – 280 с.
2. Строганова Е.Д. Политика США в отношении левых режимов Латинской Америки (часть первая) // «Берегиня. 777. Сова». 2011. № 4 С. 76–88.
3. Нухаилави А.В. Х. Предпосылки и причины возникновения военно-политического блока на Среднем Востоке в середине 1950-х годов // «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения». 2022 Т. 22, вып. 1. С. 82–90.
4. Перипась М.Я. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. Томск: Изд-во Томского университета, 2003. – 364 с.
5. Киссинджер Г. Дипломатия. – М.: изд-во АСТ. 2018. – 896 С.
6. Внешняя политика США. Хрестоматия / Сост. Д.В. Кузнецов. Благовещенск: Изд-во Благовещенского государственного педагогического университета, 2014. – 1058 с.
7. Бахтерев В.И. Американские программы помощи зарубежным странам в области безопасности: прошлое, настоящее, будущее (часть I) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2016 № 4. С 204–234
8. Холодная война: в 2 т. Т. 2. / ред. В.А. Золотарев. – М.: РУБИН, 2014. – 582 с.
9. Магадеев И.Э. «Уроки войны» и стратегическое планирование держав «Большой тройки» (1945–1949) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2020. № 3. С 45–84
10. Блум У. Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в период холодной войны. – М.: изд-во «Кучково поле», 2013. – 704 с.
11. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: изд-ва «Территория будущего», 2006. – 472 с.
12. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Издание второе, исправленное и дополненное. Новосибирск: изд-во «Сибирский хронограф», 2000. – 684 с.

© ().

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»